РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И МЕСТО В НЕЙ ПРОТЕСТАНТИЗМА

Р.А. Лопаткин

Понятие *религиозная ситуация* сравнительно недавно вошло в научный оборот. Большинство авторов пока употребляют его без точного определения, как расхожее выражение, как журналистский штамп. Они чаще всего берут для характеристики одно или небольшое число религиозных проявлений, наиболее заметных и вызывающих у них или, по их представлениям, у общества и власти особую озабоченность. При этом большую роль может играть преподнесение этих фактов как сенсационных в средствах массовой информации. Как правило, эти авторы сводят характеристику религиозной ситуации к указанию на деятельность иностранных миссионеров, «нетрадиционных религий», «деструктивных» и «тоталитарных» сект. Под таковыми, с подачи некоторых представителей «традиционных» религий, подразумеваются чаще всего протестантские религиозные объединения евангелической направленности, действующие в России на законных основаниях, зарегистрировавшие свои уставы в органах юстиции. Это непрофессиональный подход. Специалисты же, религиоведы и социологи, говоря о религиозной ситуации, стремятся дать обобщающую характеристику всего комплекса религиозных проявлений на исследуемом объекте в данное время, в их взаимосвязи и в связи с окружающей общественной средой, т.е. принимают во внимание все действующие в стране, регионе, населенном пункте религиозные объединения различных конфессий, отношение к религии населения в целом, его отдельных слоев и групп, процессы, происходящие в религиозной среде и в отношения между религией и обществом и т.д.

Исходя из такого подхода, мы определяем религиозную ситуацию как положение дел в обществе, регионе, на конкретном объекте, которое характеризуется наличием, типом (специфическими особенностями) и интенсивностью религиозных проявлений, их динамикой и направленностью изменений, характером и степенью их воздействия на общественную среду. Изучение религиозной ситуации ведется на двух взаимосвязанных уровнях: институциональном и уровне массового сознания. На первом уровне она характеризуется деятельностью конфессий, религиозных институтов и организаций, на втором — проявлениями религии в сознании, поведении, отношениях людей, прежде всего верующих, распространенностью религиозных верований, конфессиональным выбором людей, их отношением к религии и религиозным организациям.

Конечно, в коротком сообщении весь комплекс этих показателей осветить невозможно, поэтому возьмем только отдельные основные показатели, позволяющие сравнивать сегодняшнюю религиозную ситуацию с той, какая была в стране несколько лет назад. Это наличие конфессий и количество зарегистрированных религиозных объединений; уровень религиозности населения; отношение к религии государства и общества; межконфессиональные отношения. При этом надо иметь в виду, что современная религиозная ситуации в России — это не случайное стечение обстоятельств, не проявление чьей-то воли, а продукт исторического развития.

Современная религиозная ситуация характеризуется прежде всего разнообразием и насыщенностью конфессионального пространства России и каждого ее региона. Если в конце 80-х гг. минувшего века Совет по делам религий при Совмине СССР учитывал около 20 различных конфессий и религиозных направлений, то на 1 января 2004 г. органами юстиции зарегистрированы религиозные объединения более 60 религий, конфессий, деноминаций, религиозных направлений. Кое-кто хотел бы объяснить такое повышение насыщенности конфессионального пространства страны тем, что в 90-х гг. с Запада и Востока нахлынули миссионеры новых для России конфессий и религиозных организаций. И это, действительно, имело место, как, впрочем, и возникновение новых, не существовавших ранее, религиозных и псевдорелигиозных образований, так сказать, отечественного происхождения. Но, если внимательно присмотреться

к данным регистрации и заглянуть в историю, то станет ясно, что большинство этих якобы новых конфессий и религиозных направлений не пришли извне, а существовали и в советское время, даже до революции, просто власти их не признавали, поэтому они либо действовали нелегально (со всеми драматическими последствиями для приверженцев), либо тихо выживали в быту сохранившихся последователей.

За прошедшие полтора десятилетия наряду с увеличением числа легально действующих в России конфессий стремительно росло и количество вновь зарегистрированных религиозных объединений. Если в 1986 г., т.е. еще в советское время, их было зарегистрировано по РСФСР 3000, в 1992 г. — 4846, то в 1996 г. — 13 073, в 1999 г. — 16 746, а на 1 января 2004 г. — уже 21 250.

Это свидетельствует о формировании в России принципиально новой религиозной ситуации, отличительной чертой которой является подлинная, а не просто декларируемая, религиозная свобода. Она находит выражение в свободном мировоззренческом, и в том числе вероисповедном, самовыражении и самоопределении граждан, в их возможности создавать религиозные объединения, в свободе деятельности религиозных организаций по пропаганде своего вероучения. Демократизация России с начала 90-х гг., коренное изменение политики государства в сфере свободы совести и взаимоотношений с религиозными организациями, изменение отношения к религии и церквам самого общества оказали решающее влияние на формирование этой новой религиозной ситуации. На институциональном уровне начался интенсивный процесс возрождения и развития институциональных структур традиционных религий. Он дополнился активным миссионерским воздействием из-за рубежа и спонтанным формированием новых религиозных движений (НРД) в самой России.

Интересно рассмотреть динамику роста числа религиозных объединений в конфессиональном разрезе. Так, количество религиозных объединений Русской Православной Церкви выросло с 2880 в 1992 г. до 11 232 в 2004 г. За этот же период число мусульманских объединений выросло с 1216 до 3472, протестантских (всех деноминаций) — с 510 до 4435, а, если учесть также Свидетелей Иеговы и мормонов, также имеющих протестантские корни, то до 4867 (т.е. 21–23% всех зарегистрированных религиозных объединений). При этом число зарегистрированных объединений Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) и евангельских христиан выросло с 270 до 1646, Адвентистов седьмого дня (АСД) — с 72 до 661, Христиан веры евангельской — пятидесятников (разных направлений) — с 30 до 1473, методистов — с 2 до 100, пресвитериан — с 7 до 162. Как видно из этих данных, наиболее интенсивный рост числа зарегистрированных религиозных объединений наблюдается именно у протестантов. По этому показателю они обошли мусульман и занимают второе место после Русской Православной Церкви, хотя по числу последователей пока значительно уступают мусульманской общине России. Кроме того, следует учесть, что, по сведениям руководства протестантских церквей, в стране действует значительное число незарегистрированных общин и групп, сопоставимое с числом зарегистрированных.

Важным показателем религиозной ситуации является деятельность религиозных организаций по распространению своего вероучения, в том числе миссионерство. Она сейчас также практически не имеет ограничений. Все конфессии имеют свои духовные учебные заведения для подготовки священнослужителей, а также воскресные школы и другие формы обучения детей и взрослых основам вероучения. Широко развита сеть конфессиональных средств массовой информации, включая конфессиональные интернет-сайты. Действуют издательства различных Церквей. Религиозная проблематика занимает все большее место на страницах и в эфире светских СМИ.

Растет социальная активность религиозных организаций, которая становится и предметом богословского осмысления. Вслед за Русской Православной Церковью, разработавшей и принявшей на Архиерейском соборе в 2000 г. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», свои социальные концепции представили обществу мусульмане и иудаисты, Российский объединенный союз христиан веры евангельской и Церковь христиан адвентистов седьмого дня. Наконец, в декабре 2003 г. была принята общая «Социальная позиция протестантских церквей России», разработанная в соответствии с решением Консультативного совета глав протестантских церквей России объединенными усилиями Церквей и Союзов евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня и христиан веры евангельской. Эти знаменательные факты свидетельствуют о том, что

конфессии и религиозные объединения становятся полноправными и активными субъектами формирующегося в России гражданского общества, и в этом процессе становится все более заметной роль протестантских церквей.

Конечно, в современной религиозной ситуации есть проблемы и шероховатости, вызванные как новизной такого явления, как социальная активность религиозных организаций, так и не всегда адекватным восприятием ее со стороны отдельных государственных органов и чиновников, а также ревнивым отношением одних религиозных организаций к другим, которых они рассматривают как конкурентов в борьбе за паству. Однако, как представляется, все это — издержки процесса формирования новой религиозной ситуации, которая складывается в России, и со временем взаимопонимание будет достигнуто на пользу нашему обществу.

На уровне массового сознания религиозная ситуация характеризуется прежде всего *показателями религиозности и конфессиональной идентификации населения*. (Под *уровнем религиозности* понимается выраженная в процентах доля верующих в общем составе населения.) За прошедшие полтора десятилетия демократического развития российского общества произошли значительные изменения. Если в 80-х гг. уровень религиозности в городах составлял 10–20%, в сельской местности — 30–35%, т.е. в среднем оценивался примерно в 20–25%, то с конца 80-х — начала 90-х гг. начался его рост. По результатам ряда социологических исследований, к середине 90-х гг. он поднялся до 35–40%, а к началу нового столетия — 50–60% и даже выше. Однако на поверку степень религиозности (знание основ вероучения, интенсивность религиозных переживаний, строгость соблюдения религиозных обрядов и предписаний, регулярность посещения богослужений, характер связей с общиной и т.д.) массы людей, которые идентифицируют себя как верующие, весьма невысока, т.е. религиозность большей части этих людей скорее формальна, декларативна и не оказывает существенного влияния на повседневное поведение.

Другой показатель религиозной ситуации — *конфессиональная самоидентификация* (к какой конфессии сам себя относит человек), — как правило, заметно превышает показатель уровня религиозности, и сумма доходит примерно до 80–85%. Он свидетельствует о распространенности влияния той или иной конфессии. Рассматриваемые показатели нельзя ни смешивать, ни подменять один другим. Дело в том, что, называя себя при ответах на соответствующий вопрос анкеты православным, католиком, мусульманином и т.д., многие респонденты имеют в виду вовсе не то, что они веруют в Бога, а то, что они происходят из данной этнокультурной среды, относят себя к православной, католической, мусульманской, буддийской или иной культурной традиции. Это значит, что в сознании части опрашиваемых конфессиональная идентификация выступает заместителем идентификации этнонациональной.

Наконец, для полноты характеристики современной религиозной ситуации надо отметить, что значительную часть нашего общества (до 30–40%) составляют люди неверующие. И им, так же, как и верующим, Конституция гарантирует право на свободу совести.

Какую долю в общей массе верующих россиян составляют протестанты, с помощью выборочных социологических опросов определить трудно. Например, при объеме выборки в 1500–2000 человек, который применяется ведущими социологическими центрами при всероссийских опросах, на долю представителей всех остальных конфессий, кроме православных и мусульман, приходится обычно 2–3%. По другим данным, например, по информации руководящих центров протестантских церквей о примерном численном составе своих церквей, можно говорить очень приблизительно: различные варианты протестантских вероучений исповедуют 1–1,5% россиян. Но, если сопоставить эту цифру с упомянутым выше быстро растущим числом зарегистрированных и незарегистрированных протестантских объединений и их долей в общем числе религиозных объединений всех конфессий России, то можно смело утверждать, что это наиболее динамичная часть религиозного населения страны, ищущая общения с единоверцами, активно распространяющая свое вероучение, создающая все новые и новые общины.

Все вышеизложенное позволяет поставить два вопроса, касающиеся места протестантизма в современной России.

Первый из них — наиболее остро дискутируемый и наиболее принципиальный: существует ли *российский протестантизм*, можем ли мы рассматривать его как одну из традиционных конфессий России, или это чуждое, инородное духовное явление, подброшенное нам «коварным Западом».

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, откуда взялись протестанты на Руси, когда они здесь появились, как сформировалась та часть населения России, которая сегодня исповедует протестантизм.

В целом появление протестантизма в России следует рассматривать в рамках более широкого и значительного явления — встречи и взаимодействия двух цивилизаций: русской (в основе своей евразийской и православной), еще недавно освободившейся от ордынского господства и нуждавшейся в дополнительных импульсах для преодоления двухвековой задержки в развитии, и западноевропейской, совершившей к этому времени в результате сначала Ренессанса, а затем Реформации значительный скачок в экономическом, политическом и культурном развитии. Россия принимала приезжавших иностранцев-протестантов не как представителей иной веры, а как носителей необходимых ей достижений западноевропейской культуры и экономики: мастеров, специалистов в различных областях знания, культуры, производства и военного дела, как обладателей капиталов и агентов международных торговых связей.

Протестантизм проникал в Россию и укоренялся в ней различными путями. Первые протестанты появились в Московском государстве (в Москве и Новгороде Великом) в XVI в., еще при жизни М. Лютера. Первоначально это были купцы, преимущественно из северогерманских городов, а также из Дании, Швеции, немного позднее из Англии и Голландии. С развитием торговых связей западные купцы-протестанты открывали свои подворья во многих городах России, обосновывались там с семьями и челядью и получили от московского правительства разрешение отправлять свои богослужения «с пением». (Аналогичное право оговаривалось и для русских купцов в их странах.) Это были лютеране и реформаты.

Другим, более значительным, источником появления протестантов в России было приглашение из западных стран специалистов, в услугах которых нуждалась наша страна. Это были медики, аптекари, художники, зодчие, ювелиры, специалисты по литью пушек, разведыванию и добыче полезных ископаемых, мастера разных ремесел. К гражданским специалистам вскоре добавились и военные, которые должны были обучать русское войско западному военному искусству. Особенно много специалистов, в том числе протестантов, поселилось в России по приглашению Петра I и Екатерины II. Среди них были ученые, корабелы, мореходы, военачальники, разведчики руд, горнозаводчики и др. Многие из них заняли важные посты в гражданском управлении, в армии, в экономике, в Академии наук и университетах, стали видными российскими государственными деятелями, дипломатами, полководцами, придворными чинами, деятелями русской культуры и науки. Это также были в основном лютеране и частично реформаты. К этому источнику надо добавить массовое приглашение Екатериной II немецких крестьян и ремесленников переселиться на постоянное жительство в Россию для освоения ее южных и поволжских земель. Среди них наряду с католиками и лютеранами появились в большом числе меннониты.

Третьим заметным источником появления протестантов в составе населения России были пленные, которые, по представлениям того времени, составляли едва ли не самую ценную часть военной добычи. Владевших профессиями расселяли в Москве и других российских городах, какую-то часть превращали в крепостных.

Самое многочисленное пополнение числа протестантов в России составляли жители территорий, присоединенных в результате войн с Ливонией и Швецией, а также после разделов Польши. В дальнейшем увеличение количества протестантов в центральной и восточной частях Российской империи шло за счет миграции из присоединенных земель в связи с государственной службой или деловыми интересами представителей прибалтийского дворянства, купечества и промышленников, а также за счет переселения малоземельных прибалтийских и финских крестьян на свободные земли во внутренней России в XIX и начале XX вв.

В XIX в. появляется новый источник формирования исповедующей протестантизм части населения России — протестантские объединения евангелической направленности западного происхождения: баптизм, евангельское христианство, адвентизм, в начале XX в. — пятидесятничество. В отличие от лютеран, реформатов и меннонитов, общины которых имели отчетливую этническую окрашенность (немцы, скандинавы, прибалты и их потомки), эти новые течения пртестантизма носили подчеркнуто вненациональный, или наднациональный, характер. Возникая первоначально в среде немецких колонистов, они очень скоро стали пополняться коренными россиянами, а в дальнейшем и целиком формиро-

ваться из русских, украинцев и других россиян. Именно их потомки — евангельские христиане-баптисты, адвентисты, христиане веры евангельской, меннониты — в нескольких поколениях, вместе с лютеранами и реформатами, составляют ныне основную часть россиян, исповедующих протестантизм.

Каждая из этих вероисповедных групп по-своему укоренялась в России, жила, трудилась, умножала ее материальные и культурные богатства, защищала родину в лихую годину. У нас нет никаких оснований рассматривать эту часть коренного населения России как чуждую ей. Более того, мы имеем все основания утверждать, что за четыре — четыре с половиной века, особенно за последние 100–140 лет, в нашей стране сложился специфический *российский протестантизм*, который следует рассматривать как одну из традиционных конфессий России. Это находит выражение также в гражданской и социальной позициях российских протестантских церквей, отчетливо заявленных в их социальной концепции.

Второй вопрос не менее важен: какое реальное место занимает сегодня протестантизм в российском обществе и каковы его перспективы.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что протестантские общины составляют более 20% всех религиозных объединений, т.е. являются второй по удельному весу и динамично развивающейся группой конфессий в России. Декларированная и проводимая ими в жизнь общая «Социальная позиция протестантских церквей России» делает их активным субъектом формирующегося в нашей стране гражданского общества. Однако реальное место и влияние протестантизма в России пока существенно меньше, чем можно было бы ожидать. Это объясняется действием объективных и субъективных факторов.

К объективным мы относим то обстоятельство, что в советское время протестанты волею судеб, а еще более волею власти, подвергаясь жесточайшим преследованиям, были вытеснены на обочину общественной жизни. Многие направления и общины протестантизма были вынуждены действовать в условиях подполья, другим ради выживания в неблагоприятной социальной и идеологической среде пришлось занять конформистские позиции и на долгие годы отказаться от активной миссионерской деятельности и пополнения своих общин за счет молодежи. Протестанты, которые открыто заявляли о своей конфессиональной принадлежности, не допускались в престижные сферы трудовой деятельности, культуры, в вузы, не говоря уж о сфере управления и общественной деятельности. Отсюда отчетливо выявившееся в условиях религиозной свободы отсутствие в протестантских церквах достаточного числа людей с высшим образованием, способных занять прочное место в ведущих и престижных областях государственного и муниципального управления, производства, культуры и бизнеса. И как итог — незначительная представленность протестантов в элите общества. В этом отношении другие конфессии, прежде всего православие, ислам и иудаизм, практически без усилий с их стороны получили в постсоветское время своеобразную фору перед протестантизмом: многие представители этого активного и авторитетного социального слоя обратились к своим традиционным религиям и стали активно сотрудничать с ними (прежде всего сказанное относится к Русской Православной Церкви). Протестантам же приходится самим выращивать элиту такого рода, а это требует немалого времени.

Как субъективный фактор стоит отметить факт недостаточной активности протестантских церквей как в разрешении названной проблемы, так и в продвижении в общественное сознание своих социальных идей, в реализации протестантских принципов хозяйственной деятельности, что позволило бы им занять достойное место не только в конфессиональном, но и в социальном пространстве России. Духовно-нравственный потенциал и традиции российского протестантизма, его растущая социальная активность позволяют ожидать, что его конструктивная роль в российском обществе в ближайшей перспективе будет заметно возрастать — от этого выиграют и общество, и государство, и Церкви.

© Лопаткин Р.А., 2010